АНТОН ВЕРШОВСКИЙ

Антон Вершовский – петербуржский фотограф, снимающий в жанре «Уличная фотография». Его увлечение фотографией началось в семь лет с отцовского фотоаппарата «Зоркий». Прошли неизбежные этапы запечатления туристических видов и петербуржских красот: архитектурных ансамблей, набережных, мостов, дворов-колодцев… Примерно семь лет назад произошел перелом в отношении Антона к фотографии: он вернулся от «цифры» к пленке, дворцы и набережные исчезли с его снимков. Пришло понимание того, что картинки, в которые случай то и дело на мгновение складывает фигуры прохожих, здания, зонтики, блики на асфальте, и многое-многое другое – гораздо интереснее, чем добросовестные плоские копии с творений великих зодчих. Так началось увлечение уличной фотографией.

Фотографии Антона – искренние и легкие, в каждой из них запечатлен неповторимый момент, несущий свою, иногда очевидную, а иногда – скрытую в сочетаниях линий, историю. Читателям он в первую очередь известен, как автор популярной книги «Стрит-фотография: открытие плоскости». Кроме того, Антон Вершовский – физик, доктор наук, один из ведущих мировых экспертов в своей области – квантовой магнитометрии. И не удивительно, что физика, так или иначе, оказала влияние на его фотографическое видение.

- Антон, когда у вас наступил момент перехода к осознанной фотографии?

- Это не момент. Понимаете, бывают фотографы от Бога. Они начинают фотографировать, и сразу делают все таким образом, что все существующие теории приходится подгонять под них. А у нормальных людей, вроде меня, все происходит по-другому – их нужно как-то подталкивать, учить. Это как в музыке — иногда рождаются Моцарты… Но детей, не обладающих уникальными способностями, всегда гораздо больше – и это не значит, что они безнадежны. Просто им нужно развивать слух и навыки. Скорее всего, такие люди не станут Моцартами, но из них могут получиться неплохие исполнители или, хотя бы, ценители музыки, а это тоже совсем не мало. Конечно, не стоит надеяться, что изучение теории, практики, и истории фотографии сделает из тебя выдающегося фотографа. Им нельзя стать, не обладая даром, но можно стать человеком, умеющим ценить фотографию и понимать ее. А через некоторое время у такого человека возникает то, что называется «насмотренностью», за ней – верность глаза, ну а потом, в принципе, может возникнуть уже и способность делать что-то свое. Таким образом, занятия могут не только развить способности человека, но и проявить его скрытый дар. Мне очень повезло с людьми, которых я встретил в Интернете, и которые стали моими учителями – это были глубоко разбирающиеся в фотографии и любящие ее люди, – Алексей Крик, Юрий Гавриленко, Антон Терещенко, Саша Лужин. А потом я познакомился с такими замечательными фотографами, как Андрей Чежин, Миша Каламкаров, Артем Житенев, Леша Мякишев… список можно продолжать бесконечно, спасибо Интернету, который сводит нас вместе, и позволяет потом общаться в реальности – и учиться, учиться…

- Давайте немного поговорим о Брессоне. Его по праву многие считают профессионалом, но он всегда говорил: «Я всего лишь фотолюбитель». А вы как считаете?

- Что такое профессионал в фотографии? Человек, который сидит в фотоателье? Наверное, нет. У нас есть настоящие профессионалы, например, Максимишин или Пинхасов — они великолепные репортеры, но их профессионализм требует от них делать снимки, которые объективно освещают то или иное событие. А эти мастера делают гораздо большее, и это большее часто противоречит требованиям их профессии. И Брессон тоже постоянно вступал в такие противоречия. Он был репортером, соответственно, должен был быть объективен. И еще все время искал сочетания линий и форм, и эти сочетания приводили к возникновению чего-то совершенно нового – историй, которых не было в реальности. У Брессона этих нереальных историй можно найти сотни, тысячи! А какой же это репортер, который показывает то, чего на самом деле не было? Поэтому ему говорил Роберт Капа: «Друг Брессон, брось свой сюрреализм и вообще все свое художничество. Задави это в себе, если хочешь быть репортером, иначе из тебя фотографа не получится». И тем не менее, он в себе этот сюрреализм не задавил – ведь потом, в 70 или в 80 лет он бросил фотографировать и начал рисовать сюрную графику. Что до меня,- мне любители в фотографии все же интереснее профессионалов. Как ни странно, они, как правило, оригинальнее и глубже.

- Продолжая тему известных мастеров, хочется отметить Сола Лейтера. Если я правильно поняла, это ваш любимый фотограф?

- Сейчас – да. Жизнь длинная, вкусы меняются, и в фотографии, в том числе. Вот сейчас, пожалуй, Сол Лейтер и Дайдо Морияма – любимые. Их карточки вводят меня в резонанс, и я вдруг вижу то, что видели они в своем подсознании. Это субъективная фотография – отголоски снов, каких-то мечтаний. У этих двух фотографов, мне кажется, и еще у Трента Парка мастерство субъективизма доведено до высшей планки.

- Вы можете как-то охарактеризовать отношение людей на улицах к стрит-фотографам?

- У нас или у них? За рубежом люди более доброжелательны друг к другу. Мэтт Стюарт говорит, например: «Мое главное оружие – это улыбка и доброжелательность. И когда люди видят, что я улыбаюсь и доброжелателен, то они понимают, что от меня не исходит угроза». У нас в России все абсолютно не так! Во-первых, человек, который улыбается – по определению либо идиот, либо замыслил какую-то пакость. Ну не принято у нас улыбаться! Исторически. Человек, который улыбается – дурачок или жулик, одно из двух. И так было на Руси много-много сотен лет. Ну а с фотоаппаратом совсем уж плохо. Проблема в том, что в нашей стране буквально каждый человек знает, что в настоящий момент совершает нечто незаконное. Это относится ко всем: приезжим, не имеющим прописки; гастарбайтерам, которые работают без разрешения; людям, которые что-то здесь продают, распространяют… Поэтому любая фотосъемка на улице – это акт фиксации этой незаконности. Человек это воспринимает так, как будто вы вручаете ему повестку в суд. И варианта тут два: или человек закрывается от фотоаппарата, или он старается этот фотоаппарат уничтожить. Стрит в России находится в крайне сложной ситуации. Но самое интересное, что еще в более тяжелой ситуации находится уличная фотография на Западе. Там общая доброжелательность позволяет фотографировать, но мешает законопослушность. То есть, если здесь, в России, о вашу голову могут разбить фотоаппарат, вырвать из него флешку и так далее, то там на вас могут подать в суд, если вы сфотографировали что-то не то или не так.

- Впервые я увидела вас в библиотеке на Маяковской, вы читали лекцию «Золотой век Магнума». Вкратце хотелось бы узнать для новичков — что такое Магнум из ваших уст.

- Магнум – это фоторепортерское агентство, т.е. это сообщество фоторепортеров, которые продают свои фотографии различным новостным агентствам, газетам и т.д. Магнум был первым таким агентством, и среди его отцов-

основателей были гениальные фотографы Анри Картье-Брессон, Роберт Капа и Дэвид Сеймур... Но Магнум еще и поставил себе цель – задать планку художественного уровня репортажной фотографии, и с тех пор эту планку не удалось поднять еще никому. Представление о репортажной фотографии и ее роль в мире изменилась, но до сих пор членство в Магнуме считается высшим «знаком отличия» репортажного фотографа. Из России пока один фотограф в Магнуме — Георгий Пинхасов. Замечательный, фантастический фотограф! И я верю, что членом Магнума обязательно станет петербуржец Сергей Максимишин. Мы сейчас смотрим на фотографии, сделанные членами агентства Магнум, не только как на репортаж, а как на фотографию, имеющую историческую и художественную ценность. На сайт агентства Магнум имеет смысл заходить хотя бы только для того, чтобы понять, что такое художественная непостановочная фотография.

- Поговорим о шаблонности в стрит-фотографии?..

- Слово «шаблонность» — оно действительно, ключевое. Уличная фотография не существовала как оформившийся жанр еще пару десятков лет назад. Те же Атже, Брессон, Брассай – они не знали, что занимаются стрит-фотографией – не было такого жанра. Тысячи и тысячи увлеченных уличной фотографией появились гораздо позже. А как только это появилось — появилась шаблонность. Шаблонов сейчас столько...

- Человечек пробегающий…

- Да. Их можно разделить более глобально. Есть фотографы, фокусирующиеся на жанровых историях: на чувствах, переживаниях людей. Они ловят следы эмоций, ловят интересные сценки – все то, что лежит «на поверхности». А есть мастера, которые ищут линии и формы, их сочетание. Это пришло от того же Брессона — его последователи даже придумали термин «брессонить» — найти красивую сцену, удачное сочетание линий, взять в руки фотоаппарат и ждать, пока фигурка появится в нужном месте. У Брессона есть несколько фотографий, снятых таким способом. Он говорил – «я не занимаюсь постановками», но ждал... Его подход, основанный на взаимодействии визуальных форм – неизмеримо более интересен и плодотворен, чем простой «жанр», но и он способен выродиться в совокупность заезженных шаблонов. Так что уличная фотография умрет, если не будет меняться. То есть ее нужно менять, понимаете? Каждый, кто делает стрит-фотографию, должен немножко расширять ее границы.

- Сейчас идет прием работ на конкурс в рамках московского фестиваля уличной фотографии. Будете участвовать?

- Это единственный конкурс, в котором я участвую. Это замечательный фестиваль! Мне очень нравится то, что по-

лучилось на выходе конкурса в прошлые разы, потому что туда попали все самые интересные наши стрит-фотографы. Это и Настя Кичигина, и Александр Гронский, и Артем Житенёв, и много-много других. Без этого фестиваля все было бы в тысячу раз более тоскливо.

- Насколько мне известно вы ведете писательскую деятельность. У вас есть сайт, на котором много ваших статей о фотографии, плюс ко всему — вы пишете книги. Что служит двигателем этого процесса?

- Я же все-таки физик. На физфаке университета нас, по большому счету, научили одному: умению учиться тому, что нужно, в момент, когда это нужно. Это мне очень помогает в профессиональной деятельности. А что касается фотографии, то это выливается вот во что: когда встречаешься с каким-то новым явлением, то в этом явлении хочется разобраться всерьез. А самый лучший способ разобраться в чем-то – это написать об этом. Вот и все.

- Если бы вам не нужно было работать, чем бы вы занимались? Только фотографией или найдете еще какое-то занятие?

- Без физики я тоже себя не представляю. Физика и фотография дают мне возможность отдыхать друг от друга. Может быть, я никогда не достигну высот в фотографии, и в физике не стану Эйнштейном, но, по крайней мере, некоторую внутреннюю гармонию личности мне вроде удается поддерживать. Наверное, если бы я был только фотографом, но не физиком, я бы себя чувствовал, как эти петровские бояре, которым бороды сбрили, и лица у них «стали босыми».

- Каким вы видите будущее стрит-фотографии?

- То, что она должна поменяться радикально – это точно. То, что я вижу в фотографиях у себя, у своих хороших, талантливых друзей – эти сочетания линий, сформированных фигурами прохожих, зонтиками, бликами... Все это прекрасно, но сколько уже можно? Что-то должно в эту самую стрит-фотографию прийти новое. Если бы вы меня сейчас спросили: «Скажите, был такой замечательный период нашего питерского рока – БГ, Шевчук, Бутусов, Цой... А чем станет наш рок после них?», то я бы ответил: никто не знает, чем он станет, пока он не стал ничем. Наверное, рока не будет вообще – но и этого мы не знаем. То же самое со уличной фотографией: уже понятно, что такой, как есть, она не останется, что она доживает свои последние дни. А какой она будет? Будем надеяться, что прекрасной и замечательной – но другой. Мы этого не знаем сейчас, как в начале 60-х никто не знал, чем станет рок с появлением Битлз. Так что – ждем Битлз, ждем Роллингов и Флойдов нашей стрит-фотографии.

Фото: Антон Вершовский, Анри Картье-Брессон

Текст: Юля Veles